

ДОЧЬ ШАМАНА

Молодой Айга работал у шамана Душеча третий год. Начал он, когда дочь шамана Экым была маленькой девочкой. И может, Айге пришлось бы поработать еще пару лет, если бы Экым так быстро не выросла. Именно за эти три года она вытянулась, незаметно повзрослела и, как часто повторял отец, стала похожей на свою мать, которую во всей округе знали как самую красивую женщину.

— Душеч, я уже жениться хочу, — сказал Айга, заходя в чум. Сказал так, будто приветствовал шамана.

— Знаю, Айга, — ответил шаман Душеч так же спокойно и добавил: — Кажется, пурга начинается. Погонишь оленей за Черную сопку, проведешь там с ними пургу, вернешься и женишься.

— Но пурга может длиться долго.

— Значит, долго будешь в тундре с оленями. Или ты хочешь мне возразить?

— Нет. Я согласен.

— Ты не можешь не согласиться. Если ты откажешься, то я могу убить тебя. И убью.

— Я пойду, Душеч.

— Пока подожди немного. Начнется пурга — тогда и пойдешь. Понял?

— Понял.

— И возьми с собой побольше юколы. Пурга и в самом деле будет долгая.

Шаман Душеч не ошибся. К вечеру разыгралась пурга. Тонкие стены чума напрягались то с одной стороны, то с другой. Как он ни закрывал шкурами дверь, чтобы не было щелей, все равно ветер временами проникал вовнутрь, налетал на костер, словно желая задуть его.

— Теперь иди, пора, — велел Душеч, перевешивая шкуры с места на место, — иди, Айга. И смотри, чтоб ни один олень не пропал.

— Он может погибнуть, — сказала Эким, не поднимая головы. Она, стоя на коленях, старательно завязывала кожаные шнурки на голенищах торбасов Айги.

— А тебя не спрашивают, — зло произнес шаман, — но раз уж ты влезла в разговор, то знай, Эким: лучше сейчас погибнуть и лучше сейчас потерять табун, чем в ту, другую пургу, когда у него будут дети.

— Какую пургу, отец?

— В ту пургу, которая ждет человека впереди. В жизни каждого бывает много непогод. В одну из них, если он не подготовлен, погибает или сам, или табун, или вместе...

Айга, не простившись, приподнял висячую дверь и вышел на улицу, впустив в чум мощный поток холодного ветра.

— И еще, Эким, — добавил шаман после недолгого молчания, — больше никогда не смей влезать в разговор мужчин. Ясно?

— Ясно. Но Айга и в самом деле может погибнуть.

— А олени?! Олени не могут погибнуть? Это уже не дикие олени — в пургу их надо гонять за Черную сопку. Иначе они или погибнут, или разбредутся. Ясно?

— Ясно. Но я люблю Айгу.

— Это не должно тебе мешать соблюдать законы тундры. Положено жениху работать несколько лет у родителей невесты — значит, всё. Значит, он должен работать несколько лет. Я сейчас хочу убедиться, что мой зять в пургу сбережет табун. Если он его растеряет, то я сейчас еще сумею раздобыть других оленей. А если это случится после, когда у моей дочери будут дети, а у меня не будет сил? Что тогда?! Нет, я должен поверить в Айгу. В тундре так, Эким: если не хочешь соблюдать обычаи, то не должен жениться. Но если уж пришел в дом невесты, если спят в одном кукуле, то жених должен до конца выдержать все испытания. Иначе отец невесты может убить жениха. Это закон. Понятно?

— Поняла.

— Если Айга спасет весь табун, то я освобожу его от последнего испытания.

— От какого?

— Он должен летом принести в наш чум снег с вершины Черной горы.

— Но ведь летом снег растает по дороге.

— Не растает. Я же приносил в дом твоей матери, и он не растаял. Повторяю: если он спасет табун, то я освобожу его от

этого испытания, чтобы не ждать вам обоим до лета. Это мое право.

Всю ночь шаман Душеч и его дочь Эким спали под вой пурги. Отец несколько раз вставал, чтобы подбросить дров в костер. Сквозь непрекращающийся гул было слышно, как за дверцей скулят собаки. Они всегда во время пурги устраивались на ночлег у самого чума, зарывшись в снег и уткнувшись мордами под дверь. Дышали теплым воздухом, идущим из жилища. Однажды — когда Эким была еще очень маленькой, — дочь попросила отца, чтобы тот во время пурги впустил собак в чум. После этого она никогда уже не делала так. Отец тогда накричал на Эким. Сказал, что закон тундры запрещает это делать. Если хоть раз впустить собак в чум, то после они уже не смогут в непогоду оставаться на улице, погибнут. Отец тогда еще добавил, что все законы созданы самим богом Кухтом и нарушать их человек на земле не имеет права. За нарушение — смерть. В тундре есть еще другой закон: нельзя убивать. Исключение составляют только случаи нарушения самого закона.

Это была самая долгая пурга в жизни Эким. Непогода длилась долго еще и потому, что она ждала своего Айгу. Как ему сейчас там, в открытой тундре? Наверно, он уже давно погнал оленей за Черную сопку и там вместе с ними пережидает пургу. Отец говорил, что в метель олени мало едят ягеля. Они собираются в круг и согревают друг друга своими телами, своим дыханием. Если приглядеться, то во время сильных морозов и свирепой пурги можно заметить, как олени, собравшись в круг, часто меняются местами. Те, которые стояли снаружи, перебираются к центру; им навстречу протискиваются согревшиеся, чтобы стать защитной стеной. И все это делается почти незаметно. Юная Эким очень любила этих молчаливых и стремительных хозяев тундры, которые носили на своих головах огромные ветвистые рога. А сейчас их любила еще больше, потому что они находились там, рядом с Айгой. Они вместе. Айга спасает оленей. А благодарные олени своим теплом спасают Айгу. Им тяжело. Об этом она судила по тому, как жалобно скулили собаки. И сердце сжималось до боли оттого, что она не могла помочь ни Айге, ни табуну, ни двум ездовым оленям, находящимся здесь, рядом. Таков закон.

Эким ворочалась в кукуле. Не могла уснуть. Она не знала, спит отец или нет, но ей чудилось, что он громко разговаривает. Так часто бывало: ей казалось, что отец говорит, хотя он спал. С тех пор как они оставили село, когда отец при всех ска-

зал, что он презирает людей за то, что они нарушают законы тундры, что он никогда больше не вернется к ним и никогда не будет шаманить, с тех пор Эким слышала только голос отца. В его присутствии даже Айга редко разговаривал. И может, поэтому все, о чем бы ни говорил отец, дочь запоминала накрепко, запоминала вместе с интонациями голоса, которым он рассказывал ту или иную историю. Вот и сейчас она вспомнила, как отец однажды рассказывал о пастухе, который устроился в пургу спать в табуне, в самом центре. Заснул и больше не проснулся. Чтобы случайно не наступить на спящего человека, олени отходили все дальше и дальше от него, перенесли центр табуна в другое место. Пастуха занесло снегом. А человек, если он устал и замерзает, не может проснуться, когда его начинает заносить. Он во сне борется с пургой, борется со своим безволием, хочет встать, выйти из заноса, но не может. Эким вспомнила об этом и ужаснулась. Ей вдруг показалось, что Айга лежит в снегу и его постепенно заносит снегом. И так она отчетливо видела его, что не выдержала и вскрикнула.

- Что с тобой, Эким? — спросил отец.
- Я сейчас вижу, как Айгу заносит снегом.
- Ты это видела во сне?
- Нет, я не спала. Он у меня сейчас перед глазами. Его заносит.
- Дочь шамана, — сказал Душеч и засмеялся.
- Отец! Я закрываю глаза и все равно вижу перед собой, как заносит Айгу. Там, за Черной сопкой. Рядом с ним табун.
- Значит, судьба, Эким.
- Запряги ездовых и поезжай к Черной сопке.
- Нельзя, Эким, нельзя, поняла?
- Можно, отец. Ты не нарушишь закона тундры. К рассвету ты будешь у Черной сопки. Если его занесло, то хоть спасешь табун. Если же он цел и невредим, то вернешься домой. Ты закона тундры не нарушишь, отец. Послушайся хоть раз свою дочь. Дочь шамана.
- Хорошо, Эким, я поеду. Но сделаю именно так, как ты говоришь. А ты правильно говоришь. В самом деле, если что случится с Айгой, то олени наши пропадут, — сказал Душеч, вылезая из кукуля.

До утра Эким просидела у костра. Ей надоело ворочаться в кукуле, все равно не спалось. Она смотрела на красные языки пламени, вслушивалась в стонущий голос пурги и не переставала видеть, как лежит Айга, занесенный снегом.

К утру пурга задула еще сильнее, и еще тоскливее заскулили собаки. Эким накинула на себя кухлянку, пробралась к выходу и, приподняв дверцу, нагнувшись, вышла из чума, сразу же попав в колючие и холодные объятия ветра. Только через некоторое время она смогла разглядеть, что творится вокруг. Собак не было видно. Они зарылись в снег, и только их носы черными точками, чуть не касаясь друг друга, торчали из-под белых бугорков. Воспользовавшись коротким затишьем, Эким разгребла снег над собаками и начала силой затаскивать их в чум. Лайки вскоре вскочили с мест, все еще не отрываясь друг от друга, и, ничего не поняв, на всякий случай, нехотя завилили хвостами. Потом догадавшись, что Эким их приглашает в чум, они как-то виновато и с испугом посмотрели на свою хозяйку. Впервые они не хотели слушаться Эким. Куда угодно — только не в чум. Однажды, когда еще были щенятами, они, ничего не подозревая, позволили себе войти в чум и никогда уже не забудут этого. Каждую из них шаман избивал до полусмерти. Казалось, уже все понятно: бьет за то, что они вошли в чум. Но все равно продолжал бить. Бил за то, что они вошли, и чтобы никогда больше не позволяли себе такую роскошь.

Убедившись в тщетности своих попыток, Эким ласково погладила собак, как бы извиняясь, что понапрасну потревожила их, и, чтобы исправить свою ошибку, начала снова закидывать их снегом. Но видя, что занятие это и нелепое, и смешное, она улыбнулась и с очередным порывом ветра юркнула в чум.

Подбросив дров в догорающий костер, Эким вошла за полог и торопливо влезла в кукуль, ловя себя на мысли, что вновь хочет увидеть Айгу. Однако как она ни старалась, как ни таращила глаза, ничего не выходило. Айги не было. Хотела представить себе его лицо, но не могла, не получалось. Она хорошо знала, что жених у нее красивый, широкоплечий, сильный, что у него на лице всегда улыбка, даже когда он сердится. Такое у него лицо: не успеет слово сказать, как появляется улыбка. Но все равно Эким не могла представить Айгу. Он не хотел появляться у нее перед глазами. Иногда, только на какое-то мгновение, она видела отца.

В это время шаман Душеч, словно презирая пургу, гнал двух своих оленей с отпиленными рогами к подножию Черной сопки. Еще ночью, запрягая ездовых, он по запаху воздуха и прерывистому ветру понял, что пурге скоро придет конец. Он это чувствовал еще ночью, в чуме, еще до того, как Эким уговари-

ла его поехать к табуну. И в самом деле, когда упряжка завернула за сопку, впервые за последние дни, в короткий промежуток между яростными порывами ветра, Душеч над головой увидел небо. Правда, оно было сплошь покрыто густыми серыми тучами, но все же это было небо. От него шел свет. Шаман знал, где искать Айгу. Он не раз прятал табун за Черной сопкой. Олени сами находили спасительное место, укрытое хоть самую малость от злых ветров. Можно было здесь и чум поставить, если бы поблизости текла речка да земля не была такой голой. Кругом черно. Пара ездовых оленей всегда пасется возле чума. А на выжженной земле какой ягель?

Шаман так был занят своими мыслями, что даже не обратил внимания, как закончилась пурга и как стало светло вокруг. Сразу же после очередного перевала показались олени. Было видно, что они совсем недавно находились вместе и только сейчас начали разбредаться. Айги нигде не было. Шаман почувял неладное. Он заорал на и без того взмысленных ездовых, высоко приподняв остол, и те ускорили бег.

Чуть в стороне от огромного участка вытоптанного поля шаман заметил пестрый малахай. Он с благодарностью подумал о своих предках, которые одежду в тундре вышивали ярким бисером. Упряжку он подогнал поближе к лежащему на снегу малахаю. Спрыгнул с нее и тотчас же начал разгребать руками рыхлый снег. Айга лежал, собравшись в комок. Длинные рукава кухлянки были опущены поверх меховых рукавиц. Шаман Душеч приподнял Айгу и, взяв за плечи, сильно потряхнул. Никаких признаков жизни. Шаман потащил его за ноги к упряжке, не без труда поднял бездыханное грузное тело на аргизу и начал растирать снегом лицо. Растирал он жестко и то и дело хлестко шлепал по холодным побелевшим щекам. Затем Душеч перевернул тело парня и прыжком уселся на его спину. И так он повторял много раз. Через некоторое время шаман вновь перевернул неподвижное тело Айги и на сей раз со всего размаху лег поперек него животом. И это повторял много раз. Часто шаман прикладывал ухо к груди юноши и подолгу прислушивался. Иногда сажал его и изо всех сил пригибал вперед так, что тот касался головой торбасов.

Шаман вспомнил, как однажды зимой в тундре откопали старика, который тоже, как Айга, был занесен снегом. Целый день возились с ним, с утра и до самого вечера. И отходили. Выжил старик. Пришел в себя и не хотел верить, что вернулся с того света. Может, тот случай и делал сейчас Душечка спокой-

нее, увереннее, упорнее. Он не отдыхал ни минуты. Казалось, хотел все свое тепло отдать мертвому юноше. Ведь не шаманы придумали, а народ тундры хорошо знает — это вовсе не сказка. Это было: мать нашла в снегу замерзшего сына. Вдохнула в него свое тепло, сама умерла и во второй раз подарила сыну жизнь. Этого никто не видел, но шаман Душеч убедился однажды, как отходили за день занесенного снегом старика.

Только к полудню Душеч услышал, как вырвался из широкой груди юноши одиночный вздох. Потом появилось прерывистое подергивание в груди, а потом и во всем теле. Шамана это не удивило и даже, казалось, не радовало. По крайней мере, он не подавал виду. Все так же спокойно, как прежде, продолжал возиться с распластанным телом молодого человека.

По дороге домой, когда сознание полностью вернулось к юноше, шаман Душеч вновь вспомнил того старика, которого спасли много лет назад. Тот тоже, придя в себя, не мог ничего сказать. Вот и этот никак не может вспомнить, как он, собравшись в комок, решил поспать немного, чтобы снова в пургу отогнать табун подальше от подножия Черной сопки в открытую тундру, где олени могли бы поесть ягеля. Так он делал все дни. С утра оленей отгонял в тундру, а к вечеру собирал их у Черной сопки. Но как он уснул и не мог понять, что его заносит снегом, Айга не знал. Ничего не мог вспомнить.

Ездовые олени, завидя чум, побежали веселее. Густой белый дым столбом стоял над самой вершиной чума и, поднимаясь высоко, растворялся на фоне голубого неба. У самого входа стояла Экым, прыгая на месте и размахивая руками. Две разношерстные лайки, будто кто-то им дал команду, одновременно бросились навстречу упряжке, но так же одновременно остановились и виновато попятнулись назад. Они забыли, что им запрещается подходить близко к оленям. Никак не могли привыкнуть к тому, что олени их боятся. Не понимали, за что можно их бояться. Уж и по хребтам получали не раз за свою забывчивость, за то, что лезли в друзья к оленям, но все равно тянуло к ним, таким смиренным, молчаливым.

— А я мяса приготовила и заварила коренья шиповника, — выпалила Экым, как только остановилась упряжка.

— Ты хорошо сделала, — похвалил шаман Душеч.

— Я бы целого оленя съел, — сказал Айга.

— Тебе не придется есть ни целого оленя, ни даже кусочка. Понял? — строго произнес шаман.

— Почему?

- Ты должен есть то, что осталось у тебя в сумке.
- У меня осталась юкола. Но я не хочу есть ее.
- Тебе придется есть юколу, — спокойно сказал шаман, распрягая оленей.

Экым стояла у самой двери чума и молчала. Она знала, что раз отец требует есть юколу, значит, и это предусмотрено каким-то законом. И, словно угадав ее мысли, отец добавил:

— Ты, Айга, сейчас разденешься догола и выбросишь все шкуры, которые носил до сих пор. Ты был мертв и не можешь войти в чум в одежде, которую носил мертвец. Ты не можешь есть что-нибудь другое, пока не съешь то, что носил с собой до смерти. Понял?

Айга глубоко вздохнул и сел на аргизу. Олени, освободившись от жестких ремней, бросились в разные стороны и немного погодя подошли друг к другу, чтобы вместе добывать копытами ягель из-под снега. Экым, как только отец сказал свое привычное «понял», нагнулась и вошла в чум. Айга, морщась, съел две очищенные от чешуи и костей вяленые рыбины с отрезанными головами и начал раздеваться, со злостью швыряя в разные стороны малахай, кухлянку, когагли, чижи, торбаса.

...В ту ночь Айга и Экым спали за пологом в просторном двойном кукуле. Говорили друг с другом шепотом. Часто хихикали. Им было хорошо. Они были счастливы. Уснули только к утру и до полудня спали. Впервые за годы пребывания в доме у шамана Айга спал после восхода солнца. Впервые шаман не будил его, соблюдая, наверно, очередной обычай тундры. Но подобного больше не повторилось. На следующее утро Айга был разбужен, казалось, еще раньше, чем это бывало прежде. В тундре всегда работы — край непочатый. То после пурги нужно чум укрепить, то аргизу или нарту надо чинить, то новый чаут надо вырезать из размягченной шкуры, то залатать кухлянку, сшить торбаса. И конечно, пасти оленей. Пасти всегда.

Айга мечтал только об одном: скорее займечь детей, чтобы выйти из-под цепкой власти шамана, который часто повторял: «Вот родится у тебя ребенок, тогда станешь хозяином». И Айга торопил время. Каждый день, возвращаясь из тундры, спрашивал у жены: «Скоро у меня будет ребенок?» Экым всегда отвечала коротко: «Скоро». И он беспрестанно шептал потом, особенно в тундре: «Скоро, скоро, скоро». Иногда напевал бесхитростный корякский мотив. Песня его состояла только из одного слова — «скоро».

К зиме Экым раздалась. Стала вся какая-то округлая. Ей самой непривычно было чувствовать себя грузной, полной. Ни отец, ни Айга не разрешали ей выполнять тяжелую работу. Она уже давно не стирала, не носила дрова с улицы в чум, даже резать юколу и то запрещалось. Таков закон тундры, и он очень был по душе Айге, который и без того старался оберегать жену. В тундре беременным женщинам разрешается только много ходить по снегу. Сколько душе угодно. И Экым часто бродила по тундре, иногда слишком далеко отходила от чума в сопровождении двух шустрых веселых лаек. Осмеливалась даже заходить за Волчий холмик. Так называли небольшую возвышенность, на одной из сторон которой находилось заброшенное волчье логово, заросшее густым мхом и ягелем.

Однажды во время прогулки Экым почувствовала резкую боль в животе. Она присела. Скрючилась невольно. Затем легла на спину, вытянулась и стала кричать. Как ни старалась терпеть, но ничего не выходило. Кричала, зная, что никто не услышит ее. Только собаки ласкались к ней, виновато виляя хвостами, словно догадывались, что хозяйке сейчас плохо. Лежа на спине, Экым приподняла просторную теплую кухлянку и стала руками растирать живот. Боль отпустила сразу, будто ее и не было. Однако лицо Экым искривилось в гримасе. Она ужаснулась. Растирая живот, женщина обнаружила сразу два уплотнения. Догадалась, что это две головки. Значит, она родит близнецов. Значит, одного из них шаман убьет. Вдруг вспомнила, как однажды мать в разговоре с младшей сестрой невзначай проронила, что у них в роду бывало такое. Родились близнецы, но жить остался только один. Таков закон тундры: тот, кто появился на свет вторым, не должен жить. Экым хорошо знала, как ее отец строго соблюдает все обычаи и традиции тундры. И не только отец. Все. Даже ее Айга, который так ее любит, который так нежно заботится о ней. Даже он не удержался и ударил ее наотмашь по лицу за то, что она тихо, едва слышно сказала грубое слово об отце. Одно-единственное слово. Она не ожидала. Ей всегда казалось, что Айга люто ненавидит шамана за его суровость и безжалостность. Может, поэтому осмелилась в пылу гнева при молодом муже проронить одно-единственное грубое слово об отце. Она тогда несколько не обиделась на Айгу. Напротив, еще больше стала его любить. И законы тундры после этого случая стала уважать как-то осознанно. Но сейчас, вспомнив, что в тундре есть закон, по которому из близнецов жить остается только тот, кто первым поя-

вился на свет, ей стало страшно. И страшно стало больше всего оттого, что она была убеждена: не только отец-шаман, но и молодой муж не пожелают нарушить древний обычай.

В тот вечер Эким, и без того молчаливая, не произнесла ни слова. Рано легла в кукуль, но не могла сомкнуть глаз. На привычный вопрос мужа ответила привычным «скоро» и притворилась спящей. Боялась, он догадается. Рано утром, как только отец и Айга ушли к табуну, она, даже не попив чаю, выскочила на улицу и направилась в сторону Волчьего холмика. Собаки бежали впереди с высунутыми красными языками, поглядывая назад. Иногда они отставали, проваливаясь короткими лапами в глубоком снегу. Эким завернула за холмик, однако лайки не захотели последовать за ней. Они решили подождать ее на повороте.

Переведя дыхание и немного отдохнув, Эким встала на колени и начала двумя руками выгребать снег из занесенного логова. Она спешила. Никакой усталости не чувствовала. Очистив от снега логово, принялась вырывать с корнями ягель и высохшую траву. Лежа то на боку, то на спине, она остервенело рыла руками мерзлую землю. Расширяла и углубляла жилище.

К полудню Эким вернулась домой, не чувствуя ног и рук. Покармлив собак красной юколой, легла прямо в кукульке поверх развернутого кукуля и сразу же уснула. Никто ей не мешал. Вокруг чума стояла мертвая морозная тишина.

Мужчины уже привыкли, что Эким в последнее время не хочет с ними разговаривать, и поэтому не надоедали ей расспросами. Рано утром, как только они оставили чум, Эким достала две оленьи шкуры из аккуратно сложенной горки, на которой, как на столе, всегда стояла различная утварь. Свернув их в трубку, перевязала куском ремня и вновь направилась к волчьему логову. Как всегда, ее сопровождали две лайки. До полудня Эким работала: остроконечным клином, выточенным из оленьего рога и предусмотрительно прихваченном с собой из чума, рыла землю.

Несколько дней подряд она ходила своим неизменным маршрутом к Волчьему холмику, каждый раз неся с собой то кусочек заваливавшейся шкуры, то какую-нибудь тряпку. Вскоре она могла свободно поместиться в логове, передвигаться на коленях, лежать, вытянувшись во весь рост. Вход она тщательно маскировала.

Жизнь в одиноком чуме текла своим чередом. Костер в нем никогда не догорал. Всегда имелась горячая вода. Каждое утро

двое мужчин, наспех попив чаю, уходили в тундру, где оставались до позднего вечера. Все как всегда. Привычного строгого ритма жизни не изменило даже само ожидание, которое с некоторых пор вселилось в чум шамана. Ждали со дня на день ребенка, который мог появиться в любое время: утром, днем, вечером, ночью. Именно этого «в любое время» и боялась Экым. Боялась, что роды начнутся ночью. И, пользуясь обычаем, позволяющим беременной женщине как можно больше находиться на свежем воздухе, она, как только чувствовала малейшие боли, выходила прямо среди ночи на улицу. Она с детства знала, еще с тех пор, когда они жили в поселке со всеми, когда ее, маленькую девочку, с ласками принимали в каждом чуме, — еще тогда она знала, что женщины порой выходили из дома и через некоторое время как ни в чем не бывало возвращались с кричащим ребенком па руках. Однажды она видела в соседском доме, как женщина, только что родив при всех ребенка, молча лежала на кукуле, а остальные жильцы и гости, высоко поднимая малыша на руках над костром, громко разговаривали, весело хохотали.

Роды у Экым начались рано утром, когда в чуме никого не было. Болей она не чувствовала. Вначале даже и не догадалась, что это и есть роды. Все знания об этом ею были приобретены в раннем детстве, и она запомнила на всю жизнь, что женщины рожают стоя и что это длится очень недолго.

Первый ребенок уже лежал на пушистой медвежьей шкуре, дрыгая красными ножками и ручками, когда Экым рожала второго. Вскоре рядом, совсем рядом, на той же пушистой медвежьей шкуре лежали двое детей, две девочки, укрытые цветастым одеялом. Мать легла возле них, устало вслушиваясь в громкий плач детей. Она никогда не чувствовала себя такой беспомощной, такой разбитой. Несколько раз собиралась приподняться, чтобы взглянуть на детей, но не могла, сил не хватало. Ей смертельно хотелось спать, и больше всего она боялась именно этого — заснуть. Боялась, что уснет, а домой вернутся отец и муж. Экым даже голову не могла повернуть в сторону плачущих детей. Но вскочила с места, как только на какой-то миг замолкли оба. Ей было спокойнее, когда они плакали...

Экым шла по глубокому снегу, осторожно переставляя ноги. В детском кукуле, сшитом накануне из хорошо выделанной мягкой соболиной шкуры, она несла ребенка. Кукуль был двойной: шерстью вовнутрь и наружу, с капюшоном, закрыва-

ющим пол-лица. Эким спешила. Верста до Волчьего холмика и столько же обратно. На это у нее всегда уходило много времени. Она спешила, чтобы успеть.

Немного отдышавшись, Эким начала кормить ребенка, лежа в бывшем волчьем логове, сплошь устланном разношерстными шкурами и поэтому казавшемся довольно уютным, несмотря на тесноту. Ребенок брал грудь вяло, неохотно. Лицо у него было красное, отекшее. Было видно, что немалых трудов стоит ему открывать едва заметные щелочки глаз. Пососав немного, он аппетитно позевал и заснул. Эким устроила малышку в глубине логова и, набросав у входа веток, заспешила домой. Еще издали завидя чум, она почувствовала какую-то легкость в теле и не заметила, как подбежала. Далеко впереди, за чумом, устремлялась к синему небу освещенная солнцем бело-желтая вершина Черной горы.

В тот вечер шаман Душеч и Айга вернулись домой позже обычного. На двух оленьих упряжках они привезли дрова, нарубленные в полоске леса, проходящей между ровной тундрой и безжизненным бугристым полем, составляющем часть склона Черной сопки. Они разгрузили дрова, сложили их в ровную стенку и только после этого пошли к чуму.

— Ты что нас не встречаешь, Эким? — спросил Душеч, входя в чум.

— Спит она, наверно, — сказал Айга, вошедший следом за шаманом.

— Спала, — послышался голос Эким в темноте.

Сбросив с себя кухлянки, мужчины принялись по привычке подбрасывать дрова в догорающий костер, отчего в и без того темном чуме стало еще темнее. Неожиданно послышался короткий тонкий писк. Потом еще и еще. Потом чум залился протяжным детским плачем. Мужчины, сидевшие у костра, одновременно вскочили, посмотрели друг на друга и, словно сговорившись, захохотали. Они бросились к пологу, приподняли висячую оленью стенку и, перебивая друг друга, громко спросили:

— Кто? Кто родился?

— Девочка, — тихо сказала Эким, продолжая лежать рядом с ребенком, завернутым в цветастое одеяло.

— Значит, звать ее Юнмач, — сказал шаман и добавил: — Это имя матери Эким.

— А как звали твою мать? — все так же тихо спросила Эким, обращаясь к мужу.

— А зачем тебе знать, как звали его мать? — строго сказал шаман. — Твою дочь все равно придется назвать именем твоей матери. Такой обычай есть у нас. Твоя мать умерла намного раньше, чем мать Айги. Ясно?

— Я согласна, отец, с тобой. Мы нашу девочку назовем Юнмач, как мою мать. Но я просто так спросила у Айги. Только сейчас подумала, что до сих пор не знала, как звали его мать. Вот и спросила.

— Мою мать звали Ямга! — сказал Айга, поднимая дочь на руки.

— Хорошее имя, — сказала Эким, вставая с места.

В полночь Эким бесшумно вышла из чума. Она знала, что никто не спросит ее ни о чем. Не принято спрашивать. Черное небо было усыпано крохотными, яркими, резко выделяющимися звездами. На улице было светлее, чем в чуме. Собаки вылезли из своих пригретых ям, подошли к хозяйке, уверенные, что сейчас отправятся в дорогу. И не ошиблись. Эким шла по своим же следам, по набитой ею тропинке. Она часто падала и вскоре почувствовала сильную усталость. Дышала часто. Задышалась. Но шага не замедлила.

Эким кормила ребенка, лежа на боку. Она боялась спутать груди. Вначале ей казалось, что не трудно будет запомнить, какой грудью кормила одного из малышей накануне, по потом поняла, что легко путается. Ребенок ел жадно, громко чмокая губами. Кормление приносило удовольствие и самой матери. Она все время улыбалась. Наевшись, ребенок начал засыпать, не выпуская из губ набухшего соска. Эким решила некоторое время полежать рядом, но, чтоб не заснуть, то и дело щипала себе щеки. Неожиданно она вскрикнула, подумав, что все на свете перепутала. Никак не могла определить, кто из детей появился на свет первым. Зажмурив глаза, она хотела представить, как все было, но ничего не получалось. Дети лежали голыми на медвежьей шкуре, потом она их перекладывала с места на место. Возможно, и нет. Не помнит. Затем одного — неизвестно которого — Эким завернула в цветастое одеяло, а другого пеленала, чтобы положить в соболиный кукуль.

От сознания того, что теперь невозможно определить, кто из детей появился на свет раньше, а кто позже, Эким стало плохо. Она подумала, что ни отец, ни молодой муж, разделяющий взгляды шамана, теперь, в случае чего, не смогут ничего сделать с детьми, ибо никогда не будут знать, кто родился вторым. Правда, на смену такой спасительной мысли приходила

другая — мрачная. Она слишком хорошо знала своего отца и была убеждена, что ради соблюдения обычаев тундры тот готов на все. Он мог убить и обоих детей.

Сменив пеленку и вновь положив ребенка в легкий соболиный кукуль, Эким перед уходом нежно прижала к себе дочку и тихо сказала:

— Ты моя Ямга! Тебя зовут Ямга, как звали мать Айги. Ты моя дочь, ты дочь Айги, ты сестра Юнмач, ты внучка шамана Душеча. Вот кто ты такая. Ты — Ямга.

Обратной дороги Эким не замечала. Она падала и вставала еще чаще, чем когда шла к Волчьему холмику, но усталости уже никакой не чувствовала. Иногда ей казалось, что она летит. Проваливалась в глубокий снег, с трудом выбиралась, и все равно ей казалось, что она летит. Ворвавшись в чум, она на ходу бросила несколько поленьев в костер и, подняв стенку полога, осторожно шагнула в темноте к ребенку. Все спали. В чуме было так же тихо, как в тундре под звездами. Эким залезла в кукуль и тотчас заснула. Но через некоторое время проснулась от детского крика, и ей подумалось, что она спала целую вечность. Проснулся и Айга. Он высунулся из кукуля и потянулся к плечу кормящей жены.

— Ты хорошая, Эким, — едва слышно сказал он.

— Как там моя внучка? — раздался звучный голос шамана из смежного полога.

— Все хорошо, отец, — сказала Эким.

— Все хорошо, — повторил за ней Айга.

— Молока хватает, Эким? — спросил шаман.

— Да, отец, хватает.

— Ты должна много кушать, Эким. Поняла?

— Поняла.

— Ты должна три, а может, и четыре года кормить нашу Юнмач молоком.

— Почему так долго, отец?

— Так всех нас кормили в тундре.

— Долго.

— Много лет назад, когда мы еще жили в поселке... Ты меня хорошо слышишь?

— Да, хорошо, отец, — сказала Эким.

— Да, да, — повторил Айга.

— Так вот, приходил тогда к нам в поселок светловолосый человек с густой красной бородой. Он совсем плохо говорил по-корякски, но мы его понимали. Он еще все время что-то

записывал. Этот человек рассказывал, что у них — далеко отсюда, за нашим морем — дети берут материнскую грудь не больше года, а потом пьют оленьё молоко. У них, правда, не олень — у них другое животное. У нас оленьё молоко нельзя пить. Так что тебе, Эким, четыре лета и четыре зимы надо кормить грудью маленькую Юнмач. Поняла?

— Хорошо, отец. Я буду кормить столько, сколько нужно...

— Скоро уходить в табун, Айга, — сказал Душеч, — сегодня поздно вернемся. К вечеру погода испортится.

Эким чуть было не вскрикнула, но в последний миг сдержала себя. С тех пор как родились близнецы, она чаще всего думала о том, что в любое время погода может испортиться... и тогда... Даже в тихую звездную ночь она еле добирается до Волчьего холмика. Что же будет в пургу?! Но сейчас ей не хотелось думать об этом. Пока ей хотелось только одного: чтобы мужчины как можно быстрее ушли в табун. Ямга, наверное, плачет в волчьем логове. Наверно, зовет свою мать. Она сильно проголодалась. При одной мысли о маленькой Ямге мать почувствовала, как набухает и без того полная грудь.

Несколько раз Эким собиралась принести Ямгу хотя бы на день до вечера в чум, все ей будет самой легче, но всякий раз в самый последний миг передумывала. А вдруг отец, или Айга, или оба вместе нагрянут днем. Бывало и такое. Редко, но бывало. Нет, слишком велик риск. Лучше самой три раза в день ходить на Волчий холмик, чем рисковать жизнью детей. Лучше лишний раз сходить вечером или ночью, когда все спят, чем рисковать. Пурги Эким не только боялась, но и ждала ее. Ей не хотелось, чтобы следы от чума стали настоящей тропинкой. Следы надо всегда замечать, чтобы никто не обратил внимания на них.

Шаман Душеч, как всегда, угадал точно. К вечеру после нескольких, следовавших один за другим порывов ветра разыгралась пурга. Накормив Юнмач, Эким надела кухлянку, туго перевязала тряпичные концы пушистых ушей малахая, вышла из чума и подозвала к себе собак, которые привычно опустили головы, давая свое согласие, чтобы хозяйка привязала к их ошейникам оба конца длинного чаута. Так она уже делала не раз. Собаки только прищуривали покрасневшие глаза и отворачивали морды в сторону от свистящего ветра. Как только Эким выпрямилась, собаки побежали. С каждым шагом становилось все темнее. Эким крепко держала в руках чаут. Падала. Вставала. И каждый раз, когда она падала, собаки останавливались,

ждали, пока она встанет и скажет свое «тах-тах». Один раз Эким упала, да так неожиданно, что лайки не успели остановиться. Они продолжали тащить ее по снегу. И тут Эким осе- нило: собаки могли тащить нарту. Ей всю жизнь казалось, что в упряжке должно быть не меньше десяти собак. А тут, оказы- вается, даже две лайки могли бы стать упряжкой. Нарту им на- много легче будет тащить. Собаки, как всегда, не пожелали за- ворачивать за Волчий холмик. Эким давно привыкла к этому и даже не задумывалась, почему они с такой охотой тащатся до холмика, а дальше не хотят идти.

Ветер дул с противоположной стороны Волчьего холмика, и поэтому последние метры до логова Эким преодолевала при затишье. Так бывало всегда. О том, что за холмиком всегда без- ветренно, она узнала еще тогда, когда украдкой тащила туда шкуры из чума. Сама пришла к мысли, что волки, наверно, не случайно в этом месте решили устроить себе жилище, которое неизвестно почему забросили. Может, потому, что поблизости появились люди со своим костром, со своими собаками и ружь- ями. А может, по какой другой причине. Теперь это неважно. Главное, здесь безветренно. Так или иначе, Эким была благо- дарна волкам за то, что они оставили свое жилище, за то, что они как бы приютили ее девочку. Она не раз слышала от отца, что старые волки иногда навещают свое бывшее логово. Так они обычно делают перед смертью. Отец не раз говорил и о том, что волки, медведи и собаки никогда не трогают детей. А медведи не трогают даже взрослых женщин. Злой шатун и тот не обидит женщину. Они могут напугать их во время сбора ягод. С ревом подбегает зверь к женщинам, и, когда те с крика- ми бросаются врассыпную, косолапые, возможно посмеиваясь про себя, преспокойно подходят к оставленным в испуге лу- кошкам с ягодами и пируют.

Эким лежала на боку в тесном логове, прижав к себе ма- лышку, которая, насытившись, быстро засыпала, а тут вдруг решила поплакать при матери. И непонятно было, плачет или поет, хорошо ей или плохо... Наверное, все-таки Ямге было хо- рошо. Так думала мать, потому что ей самой было хорошо. Хо- рошо и грустно. Женщине очень хотелось, чтобы сейчас здесь, рядом, находилась другая ее дочь, Юнмач. И при одном воспо- минании о ней, находящейся в одиноком чуме, трепетно вздрогнуло сердце в груди. Она подумала о том, что если невоз- можно Ямгу забирать в чум, то почему бы днем не принести в волчье логово Юнмач. По крайней мере, два или даже три кор-

мления можно будет проводить в одном месте, не топя версту туда и версту обратно по проклятому снегу в эту проклятую пургу. А с костром ничего не случится. Можно набросать дров побольше, потолще да посуше. Главное, чтобы он не потух, чтобы не был нарушен закон тундры. Костер должен гореть всегда, именно поэтому каждый обязан всякий раз, проходя мимо него, бросить хотя бы поленце в огонь.

Спасительная идея придавала силы Эким, и она на обратном пути, несмотря на усиливающийся ветер, шла увереннее и смелее. Собаки, как всегда, помогали, и она твердо решила, что непременно воспользуется нартой в следующий раз. Никто — ни отец, ни Айга — не заметит «пропажи». И следов никто не увидит, потому что упряжка будет запрягаться и распрягаться вдали от чума. Так будет надежнее. Никому и в голову не придет просто так, да еще зимой, отправиться в сторону Волчьего холмика. Там нечего делать. Там, чуть дальше, каменистые горы, за которыми слышно, как шумит океан. Там нет ягеля, — значит, нечего делать табу.

Однажды днем, в тихую погоду, Эким с ребенком на руках, подойдя к логову, заметила рядом чьи-то следы. И хотя видно было, что ветки, закрывающие вход, не тронуты, все равно мать перепугалась. Она положила Юнмач, завернутую в цветастое одеяло, на снег, а сама бросилась к Ямге. Обнаружив живого и невредимого ребенка, она успокоилась и выползла наружу. Присмотрелась повнимательнее. Волчьи следы. Сомнений не было. Поселка поблизости нет, — значит, и чужие собаки не могли бы заглянуть сюда. Да и вообще ни одна лайка, как убедилась Эким, не осмелится подойти даже к давно заброшенному логову. И потом: лапы уж больно крупные. Видно, что зверь не случайно был здесь, не прогуливался, а сидел долго, даже лежал.

Эким встревожилась, но ловила себя на том, что ее почему-то не охватил тот великий страх, которого можно было ожидать. По-видимому, она давно свыклась с мыслью, что от любого зверя и от любого непредвиденного случая можно найти спасение, только не от отца-шамана, если он узнает, что в тундре уже почти полгода живут близнецы. И потом она слишком верила в утверждение: «Волки никогда не трогают детей».

И все же после этого дня Эким потеряла покой. Как бы там ни было, но страшновато оставлять своего ребенка в волчьем логове, зная, что где-то рядом шастает зверь... может, бывший хозяин этого места. Возможно, это был старый волк, который

перед смертью пришел поглядеть на свой дом. Но почему его следы можно видеть каждый день? И каждый день одно и то же: волк ходил взад-вперед, садился, лежал, а потом исчезал, оставляя свежие следы. Но ничего не поделаешь. Другого выхода нет. Ребенок должен остаться в логове. Никто никогда не видел, чтобы волк трогал ребенка, почему же с дочерью Эким должно случиться такое исключение в тундре? И еще: если бы у волка были злые намерения, то он давно бы сделал то, что задумал. Ребенок круглые сутки находится там, и никто его не стережет. «Может, сам волк и стережет?» — мелькнуло в голове у Эким, и она заулыбалась.

В то утро после долгой и снежной зимы Эким, выйдя из чума, почувствовала запах весны. Ей казалось, что пахнет само солнце, от которого повеяло долгожданным теплом. То самое солнце, которое еще недавно чем ярче светило, тем сильнее сковывало тундру морозом. И вот оно излучает тепло. Белый покров тундры искрился и мерцал. Пестрые лайки сопровождали Эким, резвясь в снегу. Добежав до невысокого бугра, они остановились. Ждали хозяйку. За бугром находилась нарта, и собаки уже привыкли к тому, что здесь Эким привязывала концы чаута к их ошейникам и они сразу же брали с места в карьер. Эким не торопилась. Улыбка не покидала ее лица. Она сняла с головы малахай, и ее гладкие волосы упали на плечи. Нагнулась, повела головой из стороны в сторону, раскачивая густые длинные волосы. Собаки, считая, что хозяйка решила поиграть с ними, тянулись к ней, прыгали, становились на задние лапы. Эким выпрямилась, резко откинула голову назад и, прибрав волосы, перехватила их у шеи растрепанной бечевой. Ей захотелось при обильном свете посмотреть на себя в зеркало. Давно она не видела свое лицо, с тех пор как родила детей. У нее был кусочек зеркала, но она уже забыла, куда его засунула в чуме. Наверно, постарела. А может, уже появились морщины... И Эким повела пальцами по лбу, по уголкам глаз. Да нет, молодость еще не прошла. Она весело захохотала.

Собаки остановились на своем привычном месте — там, где дорога круто поворачивала за Волчий холмик. Они ни разу не заглядывали за поворот. Здесь обычно от их резвости не оставалось и следа, и они ложились отдыхать. На этот раз их удивило, что Эким не спешила. И вообще что-то странное сегодня творится с их хозяйкой. То она вдруг решила на полпути поиграть с ними, а теперь стоит и смотрит куда-то вдаль. Это так на нее непохоже. Они не могли знать, почему Эким одеревенела.

У самого логова сидел огромный серый волк с белыми пятнами на боку. Эким почему-то обратила внимание на эти пятна. Увидев человека, волк вскочил на ноги, но не собирался уди- рать. Эким замерла. Но в таком состоянии она находилась только мгновение: то самое мгновение, которое было замечено собаками. Она зашагала к логову, не глядя под ноги. Шла как никогда уверенно и быстро. Волк как бы нехотя отошел немно- го. Услышав плач ребенка, идущий из самой горы, Эким стре- мительно рванулась вперед. Волк отскочил еще дальше. Стал боком, опустил морду, то поворачивая ее к человеку, то отводя в сторону.

Эким дрожащими от страха руками разбрасывала в стороны многочисленные ветки, которыми был завален вход в жилище, и громко разговаривала с плачущей дочерью. Услышав голос матери, девочка перестала плакать. Эким исподлобья погля- дывала на волка. Она уловила: как только ребенок умолк, волк сорвался с места и побежал.

Еще издали слыша крик ребенка, Эким чувствовала, что он плачет не только от голода. В родном и до боли знакомом голо- се дочурки мать улавливала нотки, которые слышала впервые. Тревожная мысль, мелькнувшая тогда в голове, к несчастью, подтвердилась. У ребенка был сильный жар. Сменив пеленки, мать стала растирать спинку заболевшей Ямги. Она продолжа- ла это делать даже тогда, когда кормила грудью. Несколько раз Эким высовывалась из логова, набирала в рот чистого снега и, подождав, пока он растает, давала пить ребенку.

Отдохнувшие, съевшие по рыбине собаки без труда тащили нарту. То и дело они поглядывали назад, словно желая узнать, довольна ли ими хозяйка.

Дома Эким не могла места себе найти. Все ее мысли были там, за Волчьим холмиком, с Ямгой, у которой от сильного жара в голосе появились новые, незнакомые ранее нотки. Мать ждала ночи, чтобы вновь, как всегда, незаметно выйти из чума и добраться до дочери, накормить ее грудью, напоить талой во- дой. Еще с детства Эким знала, что если у ребенка жар, то ему надо давать как можно больше воды. И усвоила это накрепко. А теперь заболела дочка. Как ей хочется дать девочке воды, но для этого нужно дожждаться ночи, нужно выйти в темноте из чума и идти по мерзлому снегу в крошечной тьме до спрятан- ной от людских глаз нарты, а потом на упряжке добираться до Волчьего холмика. Ночью, перед тем как отправиться в дорогу, она накормила Юнмач. Айга проснулся, по привычке припод-

нял кухлянку и накинул ее на плечи жены. Ему нравилось сидеть рядом с женой, когда она кормила ребенка. Иногда он что-то говорил ей, но женщина упорно молчала, не желая поддержать беседу: боялась, что муж разговорится и не захочет больше спать. Строгость и молчаливость жены Айга воспринимал как должное. Считал, что так нужно. Так нужно ребенку. И ему даже нравилось, что Эким всегда такая собранная, сосредоточенная, молчаливая.

Несмотря на сильный мороз, обжигающий лицо, на хрустящий под ногами стеклянный снег, ночной воздух был наполнен свежестью и дыханием весны. Чувствовалось, что скоро наступит желанная пора. Трудно определить, что конкретно говорило об этом. Чувствовалось. По жесткому насту собаки легко тянули нарту, но Эким казалось, что они еле тащатся. Ее крики разносились далеко по морозному воздуху в ночной тиши. Она торопила упряжку, себя, время. Спешила к больной дочери.

Эким оттаскивала от входа в логово ветки и поглядывала во тьме по сторонам. Она искала два горящих огонька, не сомневалась, что волк находится где-то поблизости. Похоже было, что если она увидит его, обрадуется.

У маленькой Ямги еще был жар. Разбуженная среди ночи, она кричала, задыхаясь порой. Мать дала ей грудь и вновь, как днем, стала поить ее талым снегом изо рта. Прежде чем натянуть соболиный капюшон на голову, Эким поцеловала горячий лоб Ямги и выползла из логова в темную ночь. Дойдя до известного поворота, где находилась упряжка, ока обернулась и увидела два огонька, светящихся у логова. На душе стало спокойнее.

Стенка полога была приподнята, и через купол чума были видны блеклые звезды на светлеющем небе. Чум не спал. Юнмач плакала так громко и протяжно, будто ее били и били очень больно. Ее лихорадило. У девочки был жар такой же, как и у ее сестрички. Шаман дотронулся своей щекой до лба малышки и тихо сказал:

- Надо шаманить, иначе наша Юнмач умрет.
- Что ты такое говоришь, отец? — плачущим голосом проговорила Эким.
- Ты не плачь, — успокаивал ее муж.
- Айга правильно говорит, — сказал шаман, — ты не плачь. Сейчас, как только рассветет, Юнмач поможет одна из наших собак.

— Как?! — вскрикнула Экым и осеклась. Она знала, что бесполезно расспрашивать и тем более удивляться. Шаману нельзя задавать вопросы. Экым вспомнила, что люди в поселке часто говорили: «Собаки спасли тундру».

Как только взошло солнце, шаман Душеч, предупредив, чтобы Экым не выходила из чума, вместе с зятем готовил площадку для обряда. Айга притащил две ровные жерди и воткнул их в снег недалеко друг от друга. Шаман потащил одну из собак, держа за ошейник, в сторону небольшого бугра. Через некоторое время он вернулся, неся в окровавленных руках длинные кишки, от которых поднимался пар. Привязывая оба конца кишок к верхушкам жердей, шаман приказал Айге позвать Экым с ребенком. Дочь шамана хорошо знала об этом древнем обычае, как знала и о том, что ей не разрешалось выходить из чума, так как в тундре в присутствии женщины нельзя убивать. Нельзя убивать даже собаку.

С натянутых на жердях кишок капала кровь, образуя красную полосу на белом снегу. Через нее-то, через эту полосу, и должна была пройти мать вместе с больным ребенком, чтобы недуг ушел из тела малышки. Экым, нагнувшись, чтобы головой случайно не задеть свисавшие кишки, прошла с ребенком через «шаманские ворота», как их называли в тундре, и, ничего не сказав мужчинам, побежала домой. У входа в чум она остановилась. На нее смотрела большими, добрыми, доверчивыми глазами одинокая лайка. Экым не выдержала взгляда собаки и быстро прошла в чум.

Она лежала рядом с больной дочерью, смотрела на купол чума, через который уходил к небу густой дым от костра, и видела перед собой только большие, добрые, доверчивые глаза второй собаки. Экым зарыдала. Ей стало страшно. И больше всего стало страшно оттого, что она безгранично верила в спасительные, исцеляющие свойства «шаманских ворот», которые пока спасли только одну из ее дочерей.

Мать однажды уже нарушила закон тундры, чтобы жили оба ее близнеца, теперь вновь придется нарушить его, чтобы спасти маленькую Ямгу. Нарушить закон, запрещающий в тундре убивать при женщине. А тут ей самой придется убивать.

Как только Душеч и Айга отправились в табун, Экым выскочила из чума. На ремне сбоку висел тяжелый нож в деревянных ножнах. Впереди, словно показывая дорогу, шла одинокая лайка, часто поглядывая назад, на свою хозяйку, доверчивыми глазами. Это была ее последняя дорога...

...Экым даже не заметила, как исчез снег. Как-то рано утром вышла из темного чума, привычно шуря и без того узкие глаза, и увидела, что снега нет. После этого, выходя на свет, она невольно осматривалась. Сначала вокруг было черно или серо, а потом, спустя несколько дней, тундра выкрасилась в зеленый цвет. И изо дня в день наряд ее пестрел: появились белые, красные, синие, желтые цветы. Настроение у Экым было приподнятое. Она всегда любила эту пору, когда от земли пахло сыростью и свежим ягелем и когда солнце в безветренную погоду жгло щеки и нос. Ей казалось, что с наступлением весны все ее мучения растают, как тот самый снег, который еще недавно покрывал всю тундру белой кухлянкой. Все нравилось Экым: и голубизна безоблачного неба, и белая голова Черной сопки, и зеленая спина Волчьего холмика, и то, что ноги ее, такие сильные и упругие, легко носят ее по кочковатой тундре, и то, что дети давно не болеют и чувствуют себя хорошо. Но, несмотря на праздничное настроение, она не могла отделаться от мысли, что ее преследует какое-то недоброе предчувствие. Вспомнила, что Айга накануне спрашивал, почему она каждую ночь бродит по тундре. На лице у мужа была неизменная улыбка, и Экым не могла ничего заподозрить. А вдруг он что-то почувствовал? Словам этим она тогда не придавала значения, по след от них остался в душе. И вот теперь они вновь выпорхнули изнутри. Ей почудилось, что она четко слышит голос Айги.

Экым шла к Волчьему холмику, любовалась яркими красками тундры, но прежнего настроения уже не было. Неожиданно нахлынувшая тоска больно сдавила горло. От быстрой смены настроения стало страшно.

Миновав поворот у Волчьего холмика, Экым остановилась. На этом месте она всегда вспоминала двух своих верных друзей, двух разношерстных лаек. Но сейчас остановилась не поэтому. Она сразу заметила, что у логова что-то случилось. Ветки были разбросаны. Экым было побежала, но, не сделав и нескольких шагов, остановилась как вкопанная. У входа в логово лежал, скрючившись, волк. Пятна на серой шкуре были красные. Пронзительный крик Экым разнесся по тундре. Мать бросилась к логову. Ребенка там не было. Она продолжала кричать, глядя по сторонам обезумевшими от горя глазами. Потом неожиданно умолкла, подошла к убитому волку, нагнулась к нему и присмотрелась. Волк был убит выстрелом из ружья. Дочь шамана не могла ошибиться. Это мог сделать только отец. Больше некому. И Экым бросилась обратно.

Она бежала с вытянутыми вперед руками. Ей казалось, что так она быстрее достигнет чума, успеет предотвратить беду, если, конечно, еще не поздно.

На пушистой медвежьей шкуре, пахнушей мочой, лежали двое детей. Один был завернут в цветастое одеяло, другой спал внутри соболиного кукуля. Рядом с ними, опустив голову, сидел шаман Душеч, опираясь руками на согнутые колени. Эким обратила внимание, что отец как-то высох, согнулся, стал маленьким. Он всегда ей казался большим, сильным, непобедимым. А тут словно подменили его. Но по огромным кистям с набухшими жилами можно было судить, что этот человек обладает неимоверной силой.

Шаман не поднял головы, когда Эким с шумом ворвалась в чум. Он медленно и тихо заговорил только после того, как дочь поочередно накормила детей.

— Все было так неожиданно, — едва слышно сказал он, не поднимая головы.

— Где Айга? — спросила Эким.

— Нет его.

Эким почувствовала, что теряет сознание. Она закрыла глаза. Боясь, что может упасть и задавить детей, легла рядом с ними.

— Все было так неожиданно, Эким, — повторил шаман, — я ничего не знал. Он все просил меня, чтобы я пошел с ним. Я не знал, куда он меня зовет, но пошел. Я теперь думаю, что он давно знал о ребенке. Догадывался. И выследил. Он шел впереди и молчал. На мои вопросы не отвечал. Только просил, чтобы я не отставал. Все было так неожиданно. Он разбросал ветки, закрывавшие вход в логово, потом встал на колени и полез туда. Из глубины вдруг раздался детский крик. Я ничего не мог понять. Продолжал стоять на месте, боясь шелохнуться. Айга вытащил из логова плачущего ребенка, но не сделал и шага, как словно с неба свалился огромный волк и вцепился ему в горло. Айга успел только, падая, вытянуть руки, и поэтому ребенок не ушибся. Не знаю, что и сказать. Все было так неожиданно. Волк, отцепившись от него, повернулся ко мне и готов был сделать со мной то же самое, но я уже успел прийти в себя, успел выстрелить. Бросился к Айге, но было поздно... Похоронил его там же, недалеко от Волчьего холмика. Ребенка принес домой. Вот обе девочки лежат здесь.

Шаман обратил внимание, что дочь буквально на глазах стала непохожа на себя, словно вдруг постарела.

— Отец, — сказала Эким после недолгого молчания, — почему ты не спросишь меня, кто из детей появился на свет первым, кто вторым.

— Я все думаю, Эким, откуда вдруг взялся этот разъяренный волк? — уклонился от ответа шаман.

— Что ты задумал, отец?

— Все было так неожиданно.

— Почему не отвечаешь на вопрос? Почему не спрашиваешь, кто из них родился первым, кто вторым? — повторила Эким, тяжело приподнимаясь на локти и садясь рядом с детьми.

— Ты, Эким, должна с детьми вернуться в поселок, к людям. Ясно?

— Зачем?

— У тебя и у твоих дочерей все есть. Чум, шкуры, две тысячи голов оленей. Проживете.

— А ты?

— Я не смогу нарушить закон тундры. Если я останусь жить на этом свете, то кто-то из твоих детей должен погибнуть.

— Отец! — громко сказала Эким. — Я не смогу одна с детьми. Я так устала! Мне так тяжело! Я не смогу без Айги, не смогу без тебя...

— Прежде всего надо преодолеть себя.

— Не смогу.

— Сможешь!..